УДК 39;398;211

DOI: 10.30624/2220-4156-2018-8-1-99-111

Традиционное искусство обских угров как средство коммуникации с миром духов

Т.В. Волдина

*БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок»,
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация
tatyana.voldina@yandex.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение: обращаясь к проблеме народного искусства как средству коммуникации с миром духов на примере традиций обских угров, автор рассматривает его как многогранную систему иррационального познания окружающей действительности.

Цель: раскрыть глубинную взаимосвязь народного творчества с мифологическими представлениями о духах, влияющими на организацию жизненного пространства людей.

Материалы исследования: автором обобщены, систематизированы и комплексно представлены опубликованные сведения по данному вопросу, а также собственный полевой материал. Наиболее ранние из приведенных в статье данные содержатся в публикациях финских учёных А. Каннисто и К.Ф. Карьялайнена. О сакральности музыкальных и песенных традиций обских угров, включая также другие звуковые сопровождения обрядов, писали Е.А. Алексеенко, В.М. Кулемзин, М.А. Лапина, Г.Е. Солдатова, В.И. Сподина, Е. Шмидт. Сведения по семантике хантыйских священных орнаментов почерпнуты из работ Т.А. Молдановой. Все виды народного творчества хантов и манси сконцентрированы в обрядовом комплексе медвежьих игрищ, исследованию которых посвящены труды В.Н. Чернецова, Е. Шмидт, О.В. Мазур, Т.А. Молданова, С.А. Поповой. Полевые материалы автора записаны в 1995 г. в п. Казым Белоярского района Ханты-Мансийского округа и 2007 г. в г. Ханты-Мансийске.

Результаты и научная новизна: традиционное искусство как коммуникативное средство в окружающем человека ирреальном пространстве является достаточно перспективной проблемой для изучения ритуально-обрядовой сферы традиционной культуры обских угров. Автором рассмотрен вопрос взаимосвязи традиций «считывания» внешнего звукового природного фона и отвечающего им способов звукового сопровождения обрядов для установления контактов с миром духов, а также впервые показана взаимосвязь символики движений в обрядовой практике и народной хореографии хантов и манси. Представлена особая сакральная семиотическая система, функционирующая в ритуальной сфере, включающая в себя определенный набор звуков, мелодий, песен, пластики движений, изобразительных символов; наиболее ярко проявляющаяся в медвежьих игрищах.

Ключевые слова: обские угры, традиционное искусство, мифология, фольклор, представления о душе, духи-покровители, орнамент, музыка, народная хореография.

Благодарности: автор выражает благодарность своим информантам, рецензентам.

Для цитирования: Волдина Т.В. Традиционное искусство обских угров как средство коммуникации с миром духов // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 1. С. 99–111.

The traditional art of the Ob Ugrians as a mean of communication with the world of spirits

T.V. Voldina

*Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation,
tatyana.voldina@yandex.ru*

ABSTRACT

Introduction: addressing the problem of folk art as a mean of communication with the world of spirits on the example of traditions of Ob Ugrians the author considers it as a multifaceted system of irrational knowledge of the surrounding reality.

Objective: to reveal the deep relationship of folk art with the mythological representations of spirits affecting on the organization of vital space of people.

Research materials: the author compiled, systematized and comprehensively presented the published data on this question as well as the own field material. The earliest of these data are contained in publications of Finnish scientists Kannisto A. and K.F. Karjalainen. E.A. Alekseenko, V.M. Kulemzin, M.A. Lapina, G.E., Soldatova, V.I. Spodina, and E. Schmidt wrote about the sacredness of music and song traditions of Ob Ugrians including other sound accompaniments of rituals. Information on the semantics of the Khanty sacred ornaments was borrowed from the works of T.A. Moldanova. All kinds of folk art of Khanty and Mansi people are concentrated in the ceremonial complex of the Bear's Games, which were studied in works of V.N. Chernetsov, E. Schmidt, O.V. Mazur, T.A. Moldanova, S.A. Popova. Field materials of the author were recorded in 1995 in Kazym of Beloyarsky District of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug and in 2007 in Khanty-Mansiysk.

Results and novelty of the research: the traditional art as a communicative mean in the irreal space surrounding people is a quite prospective problem for the study of ritual and ceremonial sphere of the traditional culture of the Ob Ugrians. The author considers the question of the relationship between the traditions of "reading" of external sound natural background and the ways of sound accompaniment of rituals for establishing of contacts with the world of spirits, and for the first time the author shows the relationship of the symbolism of the movements in the ritual practice and folk choreography of the Khanty and Mansi people. The article presents special sacred semiotic system functioning in the ritual sphere and including a specific set of sounds, melodies, songs, rhythmic movements, visual symbols which most clearly manifested in the Bear's Games.

Key words: Ob Ugrians, traditional art, mythology, folklore, representations about the soul, the spirits-patrons, ornament, music, folk choreography.

Acknowledgements: the author expresses the gratitude to the informants and reviewers.

For citation: Voldina T.V. The traditional art of the Ob Ugrians as a mean of communication with the world of spirits // Vestnik ugrovedeniya = Bulletin of Ugric Studies. 2018; 8(1): 99–111.

Введение

Под традиционным искусством понимается вся народная художественная культура или фольклор в самом широком смысле, как «комплекс словесных, словесно-музыкальных, игровых (драматических), словесно-музыкально-хореографических видов народного творчества», включая также «изобразительное, декоративно-прикладное искусство» [5, 7–13]. Традиционное искусство синкретично по своему характеру и тесно связано с мифологией, верованиями, обычаями и обрядами. Главной его особенностью является насыщенность ритуально-магической символикой и по сути своей оно является средством сохранения и передачи народных знаний, так как эти устойчивые символы, сохраняющиеся на протяжении столетий, понятны в своей этнической среде. Что позволяет, в свою очередь, обращаться к различным видам народной художественной культуры как к источнику изучения мифоритуальных традиций изучаемого этноса.

В основе традиционного искусства хантов и манси лежат существующие у них представления о мире духов, включая воззрения на сущность человеческой души и её реинкарнацию; которые воздействовали на организацию жизненного пространства людей. Цель данной работы – выявить и объяснить существование этих связей на примере отдельных видов народного творчества.

Материалы и методы

В изучении обско-угорского искусства в контексте отражения в нём традиций, связанных с представлениями о душе и духах в культуре хантов и манси, можно выделить два аспекта:

1) музыка и танцы, орнаментальные символы как важнейшая составляющая ритуально-обрядовой сферы;

2) народное художественное творчество – это способ выражения человеческой души, и каждое произведение несёт на себе отпечаток того, с кем оно так или иначе связано.

Учитывая глубинную тесную связь обско-угорского искусства с мифологическими представлениями, влияющими на организацию окружающего пространства и человеческой жизни, приоритетным представляется освещение поставленного вопроса в первом ключе. Второй подход лежит в основе одной из моих статей, где рассматриваются обычаи, связанные с памятью о тех, кто изготовил вещь, и выраженные в правилах обращения с вещами [3]; он уместен также при упоминании конкретных имён исполнителей фольклора, жанра личных песен и т.п.

В статье приводится полевой материал, который записан автором в 1995 г. в п. Казым Белоярского района Ханты-Мансийского округа [ПМА 1: Вагатова В.К.] и 2007 г. в г. Ханты-Мансийске [ПМА 2: Волдина М.К.],

наряду с которыми автор привлекла также опубликованные материалы. Наиболее ранние из приведенных в статье сведений содержатся в публикациях финских учёных А. Каннисто [25; 27] и К.Ф. Карьялайнена [28; 29; 30]. Привлечены работы Е.А. Алексеенко [1], В.М. Кулемзина [11], М.А. Лапиной [13], Г.Е. Солдатовой [21], В.И. Сподиной [22; 23], Е. Шмидт [25], раскрывающие сакральный характер музыки и песен и других звуковых сопровождений обрядов обских угров. Магия народного танца исследовалась автором на собственных материалах, а также использованы сведения из публикации М.К. Волдиной [2], которая одновременно выступает и в качестве информанта. В статье также приводятся данные В.Н. Чернецова по народной хореографии обских угров, пластика движений которой зафиксирована им ещё в наскальной живописи Урала [24]. Информация о семантике хантыйских орнаментов, прежде всего священных изображений, почерпнута из работ Т.А. Молдановой [16; 17], а также автор обратилась к исследованию орнаментального искусства народов Западной Сибири О.М. Рындиной [20]. Представляя медвежьи игрища хантов и манси как выражение всех видов их традиционного искусства автор опиралась на исследования О.В. Мазур [14], Т.А. Молданова [15], С.А. Поповой [19].

Магия звука. Музыка. Песня.

Человека традиционной среды отличает чуткость к явлениям окружающей среды. Это связано как с тесным взаимодействием с природой, обусловленной традиционными видами хозяйственной деятельности, так и с представлениями о мире духов и сущности человеческой души. Особое внимание придаётся звукам, которые могут служить как добрыми предзнаменованиями, так и недобрыми знаками. Определённый набор звуков воспринимался в обско-угорской среде как способ получения информации из мира духов, а также невербальное звуковое и музыкальное сопровождение обрядов, в свою очередь, были направлены на взаимодействие с духами-покровителями. Вербальная составляющая ритуалов (слова-призывы, молитвы, сказочный нарратив, песни духов-покровителей, песни-молитвы) также может рассматриваться в

обозначенном контексте. Как известно, подобные тексты, существовавшие в далеком прошлом, позднее перешли в круг детского фольклора в качестве закличек – маленьких песенок, приговорок, обращённых к явлениям природы, животным, насекомым, растениям; или трансформировались в сказочные формулы. Примеры таких закличек манси опубликованы М.В. Кумаевой [12, 142–153]. О сказочных формулах хантов, которые «относятся к чрезвычайно широкому классу повествований, посвящённых хождениям живого человека в потусторонний мир», писала С.Д. Дядюн [6, 117–120].

Пожалуй, у всех народов звук считается первоосновой бытия. Признание первичности и святости звуковой сферы нашло своё отражение в древнейших источниках мировых религий, которые учат, что начало творения есть звук. Достаточно вспомнить постулат из «Библии»: «вначале было слово...», значение мантр в иудаизме и буддизме и т.п. По мнению немецкой исследовательницы Н. Наувальд, в шаманских культурах особое значение имеют взаимоотношения со звуком: «Мы есть звук и связаны с природным звучанием. Звук – это также и дыхание, и это тоже несёт нашу идентичность»¹.

Звуковые явления, на которые обращают внимание в обыденной жизни обские угры, можно разделить на следующие группы:

- звуки природы: пение птиц, звуки огня, воды, шелест листьев...;
- звуки, которые связываются с миром духов: звон в ушах, слышимый свист, топот, щелчки.

Например, рассматривая вопрос о способности звуков проникать в иные миры на материале мифов, В.И. Сподина отмечает: «Одним из наиболее ярких примеров семиотизации звукового пейзажа являются гадания по раскатам грома, голосам птиц и пр.» [22, 141].

Если набор такого рода звуков воспринимается как знаки из мира духов, предзнаменующие добрые или недобрые события, то определённые виды акустического сопровождения в ритуально-обрядовой сфере, воспроизводимые человеком сознательно при проведении ритуалов могут рассматриваться как способ невербального обращения людей к миру духов или

¹ Записано со слов Н. Наувальд на семинаре по антропологии сознания Центра медицинской антропологии ИЭА РАН (01.12.2016).

к конкретному духу-покровителю для разрешения своих проблем. Музыкальные наигрыши, игра на бубне и т.п. позволяют также настроиться на мир духов, являются способом вхождением в измененное состояние сознания.

По информации, полученной в среде казымских хантов, уход души умершего человека сопровождается свистом, который могут слышать отдельные люди: более высокое тонкое звучание характерно для души молодого человека, а у прожившего долгую жизнь – свист громче и сильнее [ПМА 1: Вагатова В.К.]. В традиционном искусстве обских угров свист используется при исполнении священных произведений, имеющих отношение к представлениям о мире духов. Свистом может сопровождаться приход и уход духа-покровителя на медвежьих игрищах. Например, в «семистрельном» ритуальном танце северных хантов и манси, его исполнитель, находящийся в роли духа-покровителя, держа в руках стрелы, со свистом совершает по ходу солнца поклоны четырём сторонам света в начале и в конце танца.

Ритуальным криком сопровождают обряд жертвоприношения на священном месте или там, где его решено провести. Он представляет 7-кратный дружный мужской зычный выкрик для привлечения внимания духов, в честь которых проводится обряд. Он был также сигналом и для женщин, находящихся поодаль, которые благодаря этому знаку одновременно с мужчинами начинают совершать 3 или 7 поворотов вокруг своей оси по солнцу.

Простукивание принято совершать перед вхождением в дом, в котором долгое время никого не было. Вернувшийся хозяин снаружи палкой обколачивает по солнцу углы дома, проговаривая слова для изгнания бродячих духов, которые в момент отсутствия людей могли заселиться в этот дом. Стук в данном случае это сигнал для них, чтобы они ушли из жилого пространства людей и не мешали им здесь жить. Дополняют этот ритуал действия, совершаемые внутри дома, где изгнание «злых» или «нечистых» духов производится дымом чаги с произнесением определенных слов.

Говоря о разделении звуков на приятные и неприятные, хранилища народных традиций казымских хантов акцентирует внимание на необходимость пользоваться в жизни только приятными звуками, так как они обладают огромной святой силой, способной излечить

душевные и физические боли, облегчить горести, их силу использовали для оздоровления людей [2].

Стук деревянных палочек, приятный для слуха, также может использоваться в ритуальных целях и для сопровождения танцев. Например, эффектный стук стрел сопровождает священный танец духа-покровителя на медвежьих игрищах. Знания о том, какой звук при простукивании даёт более красивый звук, нашли применение в изготовлении музыкальных инструментов. Ими руководствовались и при подборе породы дерева.

Звону колокольчика придавалось свойство очищать пространство для взаимодействия с миром светлых духов. Обзванивание колокольчиком посолонь по кругу символизирует собой очерчивание определённой чистой зоны при проведении ритуала. В выделенном таким образом и одновременно очищенным звуком колокольчика месте становится возможным взаимодействие человека и духов-покровителей. Звон колокольчика также нередко служит сопровождением священных танцев духов-покровителей во время медвежьих игрищ [ПМА 2: Волдина М.К.]. Описанные примеры из традиций казымских хантов характерны и для других групп обских угров, отличающиеся, пожалуй, лишь отдельными нюансами. «Звук, издаваемый колокольчиком, наряду с криком и свистом, является одним из специфических видов обрядовой коммуникации», – пишет В.И. Сподина [23, 143].

Можно выделить следующие виды звуковых сопровождений обрядов:

- ритуальный свист,
- ритуальный крик,
- постукивание палочками,
- звон колокольчика,
- ритуальная игра на бубне,
- ритуальные наигрыши на струнных музыкальных инструментах (цитре *сангквылтапе* (манс.)/*нарсьюхе* (хант.), арфе (именуемых: лебедь, журавль, гагара), скрипочке *нин-юх* (хант.)/*нэрне-йив* (манс.)),
- варганная музыка (игра на *тумране*),
- извлечение звуков с помощью других приспособлений (аэрофоны и т.п.).

Таким образом, определённый набор звуков и мелодий выстраиваются в особую сакральную семиотическую систему, позволяющую взаимодействовать с миром духов, получать и

доводить до них информацию (призывы, просьбы, благодарности). Наряду с другими (неакустическими) приёмами эта сакральная звуковая система была включена в ход проведения ритуалов: в обрядах гадания, лечения, медвежьих игрищах, жертвоприношениях духам-покровителям, обрядах очищения жилища и т.д.

Все известные музыкальные инструменты обских угров, включая даже те, что в настоящее время не принято относить к ритуальным (тумран; дощечка, вызывающая ветер, и т.п.) представляют собой средство взаимодействия с миром духов. Даже «<...> обычные бытовые предметы (ложка, платок), при оснащении их специальными деталями, издающими звуки, становятся обрядовыми атрибутами, т.е. приобретают сакральный статус» [20, 40]. И как следствие этого, «существовало множество поверий и ограничений, связанных со звуковым интонированием, что придавало музыкальному исполнительству таинственность, загадочность, магия которого притягивала и завораживала человека» [13, 95].

В традиционной культуре хантов и манси сложилось аналогичное отношение и к песне, где она рассматривается как явление особого духовного порядка, наделялась магической силой, а исполнители песен, как и музыканты, приравнивались к шаманам. Например, исследователь шаманства восточных хантов В.М. Кулемзин выделял в их среде людей, именуемых *арэхта ку*, наделенных особыми музыкальными способностями и исполнительским талантом, так называли исполнителя былин, предсказателя, врачевателя. «Они считались способными предсказывать и лечить некоторые болезни с помощью пения и игры на особом щипковом инструменте *панан-юх*. В ночных сеансах подобной музыкальной терапии исцеляющим средством считались звуки инструмента, извлекаемые *арэхта ку*, а также сами его песни» [11; 1, 22–23].

А вот как характеризует песенное творчество хантов и манси известная венгерская фольклорист Е. Шмидт: «Невероятно богатое обско-угорское песенное творчество по формальной конструкции основывается на чрезвычайно взаимосвязанной системе <...>. Соблюдение этих форм требует столько же духовной энергии, как, например, поэзия Гомера. <...> Нечто похожее на легкий экстаз может наступать после пения 30-40 строк даже

бытовых песен – их субъективная эмоциональная нагрузка способствует этому не меньше, чем высокая сакральность обрядовых жанров <...> исполнитель <...> как бы переходит в другие миры и другие состояния сознания – более древние, светлые и мощные по сравнению с повседневным бытом. Это энергии мира богов и духов-предков, откуда берёт своё начало сакральное песнетворение. <...> Творцам бытовых песен нередко кажется, что какая-то непреодолимая сила заставляет их выразить свои ощущения в красочной поэтической форме. В случае же с сакральными песнями – индивидуальными и коллективными – бытует мнение, что их дословно диктуют какие-то сверхъестественные существа. <...> Исходящая из высших духовных энергетических слоёв песня может претворить свою «действительность» и на уровне реального быта» [25, 122–123].

Магия телодвижений, танец.

Традиционный танец неразрывно связан с народной музыкой и песней. Он считается наиболее древним видом искусства, и первоначально был не столько средством самовыражения, сколько способом ритуально-магического влияния на окружающий мир, так как каждое движение в традиционной культуре имеет свой особый смысл и значение. Через танец человек символически преобразовывал своё пространство, через достижение гармонии внутреннего состояния, воздействовал на внешние процессы.

Особое значение в традиционной культуре обских угров, как и у других народов, имеет **круг** как олицетворение цикличности:

1. с помощью символического образа объясняется один и тот же сюжет круговорота, переход из одного состояния в другое: от жизни к смерти и к новому рождению – от жизни видимой (физической) к бесплотному существованию (в форме отдельных душ) и снова пребыванию в телесном воплощении;

2. цикличность – важнейшее свойство мифологического времени (теория цикличности мифологического времени, в наиболее стройном и законченном виде, принадлежит М. Элиаде).

3. круговое движение солнца воспринималось как главный ориентир в пространственно-временном измерении: циклы народного календаря выразились в связанной с ним обрядности.

В обрядовой практике противопоставлялись круговые движения двух векторов: движение по часовой стрелке или **по солнцу** олицетворяет собой правильное течение жизни, и движение против часовой стрелки или **против солнца** символизирует смерть и потустороннее существование. При обрядах, направленных на благополучие и здоровье, совершались повороты по солнцу вокруг собственной оси, напитки разливались тоже по солнцу, при проведении обряда для выделения сакрального места в общем природном окружении людьми также совершался круг по солнцу (он мог обзваниваться колокольчиком или отмечаться другим звуковым сопровождением) и т.д. При обрядах погребения, поминания или вредоносной магии – аналогичные движения могли совершаться в другую сторону – против солнца.

Ещё один вариант «преобразования» пространства – это **движение к себе / от себя**. Например, наливая чай движением руки внутрь – это на благо, движением в противоположную сторону – наливают покойнику. Эти движения по своему значению близки символическому разделению пространства на правую и левую стороны и другим подобным смысловым параллелям.

Ритуальная магия движений (движения по кругу, вращения вокруг своей оси, движения руками к себе и от себя) присутствует и в обско-угорском танце, является его основой, которая наполняется образами, связанными с традиционными представлениями о мире. «Хантыйский танец богат движениями, а они связаны с движениями звёзд, Солнца, Луны, деревьев, птиц и зверей, в общем, связаны со всей природой и ею обогащаются», – отмечает М.К. Волдина, которая является хранителем, знатоком и исполнительницей народных хантыйских танцев, руководителем Народного коллектива – семейного фольклорно-этнографического ансамбля «Ешак Най». «Есть танцы, – пишет Мария Кузьминична, – которые полностью построены на подражании животным и птицам» [2, 57]. Все эти образы, как известно, наполнены мифологическим содержанием и имеют непосредственное отношение к традиционной вере в духов.

Описывая танцы-пантомимы зверей, птиц и прочих живых существ (например, насекомых), В.Н. Чернецов считал эти танцы наиболее древними и впервые сопоставил их движе-

ния с наскальными изображениями Урала, которые датировал началом второго тысячелетия до н.э. Зоо- и орнитоморфные танцы и пантомимы медвежьего праздника сопровождались инструментальными наигрышами, ритмика и ход которых синхронно подражают ритму движений зверей (медведя, лося, волка, лисы, зайца и т.д.) или птиц (сороки, журавля, филина, тетерева, семи глухарей и семи уток и т.д.). Тем самым, они способствовали передаче движений животных в танце с такой же удивительной точностью, с какой они выбиты в наскальных изображениях Урала, как будто это моментальные фотографии. Эти подражательные танцы могли быть связаны с предками генеалогических групп и фратрий. В своей известной книге «Наскальные изображения Урала» Валерий Николаевич писал: «...совершенно отчётливо выступает такое явление как чрезвычайная устойчивость отдельных изображаемых форм, которые в течение тысячелетий оставались неизменными <...>»; и далее «<...> такая устойчивость проявляется и в этнографии обских угров..., в общественном устройстве последних <...>, в их представлениях об окружающем мире и внутренней сущности человека, о его связи с миром животных <...> проявляются такие архаические элементы, которые далеко не часто встречаются в подобной связи» [24].

В традиционном танцевальном искусстве обских угров отчётливо проявляется разделение мира на мужское и женское начала. Мужское начало активное, и движения мужчин в танцах характеризуются ярким, ритмичным рисунком, в них проявляется сила, ловкость, качества воинов, добытчиков. Мужской танец идёт по кругу и часто исполняется группой. Он может содержать поступательные движения, а также легкие и чёткие прыжки. Движения руками напоминают блоки, встречающиеся в восточных единоборствах. Мужчины танцуют в шапках с ритуальным орнаментом, по своей форме они напоминают шлем и перед священным танцем обязательно окуриваются. Сольные танцы обычно относятся к танцам духов-покровителей. Атрибутами таких танцев выступают ритуальные предметы – колокольчики, стрелы, мечи и т.п. Исполняются они в ритуальной одежде, по которой угадывается священный образ духа-покровителя. Именно мужчины являются исполнителями всех основных обрядовых танцев.

Женские движения чаще всего исполняются плавно и мягко, хотя есть и достаточно подвижные варианты, а также женский вариант мужского танца (но и он также отличается от настоящего мужского танца). У женщин доминируют повороты корпуса влево и вправо, повороты вокруг себя. Поворот вокруг себя по солнцу продолжает поворот в другую сторону, что вместе составляет один цикл движений, символично отражая циклы, существующие в природе и в человеческой жизни. Движения руками иногда сравниваются с движением ветвей деревьев в ветреную погоду, с крыльями птиц, что имеет прямое отношение к архетипическим образам Древа Жизни и Богини-Матери в образе Птицы. В атрибутике женского танца обязательно присутствует головной платок и рукавицы, которые скрывают волосы, лицо и руки женщины. В народе бытует поверье, что на медвежьих игрищах необходимо закрывать своё лицо, чтобы возродившийся зверь при встрече не узнал человека и не отомстил ему. В то же время, платок одновременно считается символической защитой женщины для сохранения её духовной целостности. Образ Женщины олицетворяет собой загадку мироздания, она несёт в себе сокровенные секреты рождения и смерти. Хотя чаще всего закрытый образ танцующей интерпретируется с позиций обряда избегания, нахождения её в сакральном пространстве, доступном, прежде всего, для мужчины, выполняющего роль жреца. Но и такое объяснение женского образа не противоречит таинственному характеру женского начала и в конечном итоге оказывается близким ему по смыслу. О связи каждой женщины с богиней *Kaltas'*, ведающей согласно традиционным верованиям вопросами рождения и смерти человека, говорит обычай об обязательном танце присутствующих женщин во время её «прихода» в сакральной части медвежьего игрища с накидыванием своего платка на голову богини, в момент исполнения её священной песни. Этот платок в последствие становится оберегом танцевавшей для богини женщины.

Как считает М.К. Волдина: «Чтобы воссоздать настоящий танец хантыйского народа, или чтобы правильно его обработать, надо знать истоки, базовые движения, которые закрепились в этнической культуре, в традициях, обычаях, в языке, а также очень чётко определить

место танца – одним словом, усвоить законы и правила, по которым этот танец живёт в народе». Хантыйские танцы она разделяет «на детские и взрослые; на святыё, ритуальные; на шуточные и серьёзные; на полные и неполные; быстрые и медленные» [2, 57].

Магия узоров. Орнаментальное искусство.

Одна из версий происхождения орнамента, а также одна из главных его функций – магическая (защитная, оберегающая, приносит удачу и счастье). Он же является способом передачи и получения информации, способом сохранения народных знаний.

Исследователь семантического аспекта орнаментального искусства обских угров, на материале казымских хантов, Т.А. Молданова определяет орнамент как: «<...> «узор, основанный на повторе и чередовании составляющих его элементов» <...> узор, в котором ритмично чередуются тёмные и светлые элементы. <...> В реальной жизни всё ритмично. <...> Мир наполнен ритмом. Этот ритм опосредовано заложен в орнаменте» [16, 11]. Как и в музыке, песне и в танце, в орнаменте кроме ритма, есть также мотивы, композиции, а также такие черты как симметрия и пропорция. Идеи, заложенные в фонде орнаментальных названий, выражают те или иные идеи традиционной культуры хантов и манси и хорошо прочитываются в контексте их мифологии. Орнамент обладает «символическим значением, закреплённым традицией и связывающим его с глубинными мировоззренческими сферами» [20, 11]. При этом, «наиболее полно семантика сохраняется в изделиях, связанных с теми сферами жизни, которые особенно ценностны ... по сей день актуально всё, что связано с рождением и смертью; предметы, имеющие отношение к этим сторонам бытия, или интимны, или сакральны» [17, 176].

В богатейшем фонде обско-угорского орнамента важное место занимает группа священных орнаментов. Они представляют собой изображения духов-охранителей. Ими украшали ритуальные предметы и одежду. «Священные узоры таят в себе некую силу, некий заряд энергии, способный сакрально очистить предмет, на который он наносится и далее содержать его в этом состоянии». Т.А. Молданова разделяет их на четыре группы: «первая группа связана с медведем, вторая – с изображением человека на лошади, третья – антропоморфного духа

и четвёртая – это «счастливые гнёзда» тех или иных почитаемых животных» (помощников духов-охранителей) [17, 146]. В качестве примера, ниже в отдельной таблице 1 представлены

сведения о некоторых других узорах, значение которых также имеет отношение к представлениям обских угров о душе, духах-покровителях, защите человеческой жизни и т.п.

Таблица 1

Символическое значение некоторых орнаментов казымских хантов по материалам Т.А. Молдановой [17, 96–134]

название узора	значение	применение
зигзаг	понятие живого, одушевленного, за ним закреплена функция охраны жизни	встречается в окаймлении краёв одежды; наиболее часто этот узор встречается на берестяных колыбелях; в усложненном варианте на других берестяных изделиях
ромб	в зависимости от своего местонахождения изображает жизненно важные органы «голову» и «сердце», символизирует вместилище жизненной силы (души), вместилище будущей жизни (женскую утробу) и т.д.	встречается на всех материалах
топор	обладает охранительной функцией; применяется в обрядах очищения, гадания, защиты от усопших.	встречается в окаймлении краёв одежды
лягушка	символ женского начала, плодородия; Матери-Прародительницы, Матери Природы; счастья и изобилия	женские рукодельные мешочки
уши зайца	зайчиха – одна из ипостасей женского духа <i>Kaltas'</i> – богини, посылающей души	встречается в окаймлении краёв детской одежды
крест	защита	в вязанных изделиях
берёзовая ветвь	защита; берёзу связывают с богиней подательницей жизни <i>Kaltas'</i>	изделия из меха, береста, частично ткань, ровдуга, изделия из бисера
шишка	символ «человека с домом», т.е. имеющего семью	женские рукодельные мешочки
солнце	Солнце-Мать – дарительница силы, энергии для воспроизводства земной жизни	игольницы, покрышки берестяных коробок и кузовков

Особое место в орнаментальном искусстве хантов и манси занимают изображения птиц. Птица является ипостасью Богини-Матери, в птичьем образе у обских угров представляются человеческие души, а также птицы оберегают человеческую жизнь. Орнитоморфным орнаментом украшали детские колыбели, предметы рукоделия, берестяные коробки. Распространены узоры «глухаря», «трясогузки», «чайки», «журавля».

Своеобразным видом обско-угорского традиционного искусства может служить татуировка, которая встречалась у некоторых северных диалектно-этнографических групп (сосвинских манси и казымских хантов) и преоб-

ладала у женщин. А. Каннисто, рассматривая образцы татуировок хантов и манси, сравнил их с орнаментами, которыми украшают изделия из бересты и меха и пришел к выводу, что некоторые геометрические фигуры совершенно им идентичны, в то время как изображения птиц «напоминают известные тамги или метки с мотивами птиц» бытовавших в прошлом. А. Каннисто считал, что она наносилась как лечебное средство и декоративный элемент, считая её «прекрасным достижением обско-угорского украшения кожи» [26; 7, 37–38]. К.Ф. Карьялайнен же считал, что татуировка – это, прежде всего, «защитный и излечивающий знак» [28, 82; 8, 69]. Более поздние исследования,

свидетельствуют, что она является средством, оберегающим человеческую душу, не случайно её основным мотивом является птица, при этом стиль их изображений в татуировке и узорах на бересте идентичен. Как отмечает Т.А. Молданова, «трясогузку называют *ис тэты вой* ‘душу несущая птица’», которая «должна после смерти человека подхватывать душу (*ис*) и отнести ее в надлежащее ей место» [18, 35]. В целом же татуировка предназначалась для защиты человека, предохраняя его от заболеваний и несчастных случаев, а также оберегала человеческую душу [4, 94]. Как видим, значение орнаментальных символов и изображения в татуировке семантически восходят к одним и тем же представлениям о мире покровительствующих духов, наделяясь их магической силой.

От промысловой магии к восстановлению космической гармонии. Медвежьи игрища.

Глубинным явлением традиционной культуры обских угров является обрядовый комплекс известный как Медвежьи игрища, который и сегодня сохраняет свою актуальность. Он представляет собой сложный, многосоставный синкретический феномен культуры, где сконцентрированы все виды народного творчества. Выражая идею семантического и структурного тождества мировоззренческих универсалий «медведь – космос» лежащего в основе высшего мифоритуального сценария традиционной культуры обских угров, О.В. Мазур отмечает: «По канонам традиционного общества, стабильность космоса и миропорядка обеспечивается средствами культуры, которая обладает мощной витальной функцией <...>, проведение праздника <...> регулярно воссоздаёт важный момент преодоления хаоса <...> и восстановления космической гармонии <...>» [14, 42].

В традиционной культуре обских угров медвежьи игрища делились на периодические и спорадические. «Отличительная черта периодических церемоний – неизменная связь с природным переходным состоянием», способствующим погружению в сакральный мир через комплекс обрядовых мероприятий. Как считает С.А. Попова, в основе периодических медвежьих церемоний Яныг ййкв (манс., букв. ‘Большие [главные] танцы’) лежат магические охотничьи обряды [19, 89–91].

Наиболее подробный сценарий современного медвежьего игрища казымских хантов,

включающий в себя основной репертуар спорадического праздника, опубликован Т.А. Молдановым [15]. В него входят обрядовые действия ритуальной добычи медведя, жертвоприношения, а также процедуры гадания, которые предваряют медвежий праздник. Внутри Медвежьих игрищ просматривается разделение обрядовых действий на сакральную и профанную (игровую) части. Основой сакральной части является песенная программа, среди них медвежьи песни и песни духов-покровителей с «приходом» этих священных персонажей, а также священные танцы. Так называемая профанная часть игрищ включает в себя драматические представления. А. Каннисто в своей статье «О драматическом искусстве вогулов»: «Хотя содержание отдельных сцен определённо указывает на позднее происхождение, но у некоторых историй, ныне исполняемых как сценки, драматическая форма выглядит исконной – среди них инсценировки сказок, священных легенд и даже лирических песен – и потому вогульской драме всё-таки следует приписать длительный возраст. Не может быть никакого сомнения и в том, что вышеуказанные танцы и пантомимы, так же как и изображения животных, являются ещё более древними, чем сама драма, и что она нередко развилась из них; на это указывают, например, свободные связи между танцевальными сценами». Он отмечает также «тесную связь драмы с религиозными церемониями» [26, 237; 7, 24–25].

Результаты

Исследование народного искусства как коммуникативного средства в окружающем человека ирреальном пространстве позволило глубже понять основы ритуально-обрядовой сферы традиционной культуры обских угров.

Решая поставленные задачи, обобщив и систематизировав имеющиеся полевые и опубликованные сведения о традиционном искусстве обских угров, автор пришла к выводу, что в его основе лежит особая сакральная семиотическая система, функционирующая в ритуальной сфере. Вернее, народное искусство по сути своей и является этой ритуально-магической системой. Наиболее ярко она представлена в медвежьих игрищах хантов и манси, где сконцентрированы все виды народного творчества.

Эта ритуально-магическая система включает в себя определенный набор звуков, мелодий, песен, пластики движений, изобразительных символов. Народная музыка базируется на умении «считывать» внешний звуковой природный фон и отвечать ему сложившимися способами звукового сопровождения обрядов, необходимых для установления контактов с миром духов.

Благодаря сопоставлению символики движений в обрядовой практике и народной хореографии хантов и манси в данной работе впервые показана их идентичность, объясняющая магический характер обско-угорского танца.

Символическая сторона фольклорных материалов находит своё отражение и в обско-угорском орнаментальном искусстве, в котором важнейшее место занимают изображения духов-покровителей, священных животных и птиц. Близкими к священным орнаментам будут традиционные узоры, применявшиеся в татуировании. Нанесение этих изображений также носит магико-ритуальный характер.

Обсуждение и заключения

Итак, рассмотрев основные виды народного искусства обских угров, можно заключить,

что в основе его лежит желание познания мира иррационального, направленность на коммуникацию с миром духов-покровителей для защиты от враждебных сил. Благодаря творческим способностям человека, изначально считающимся даром свыше, создавались фольклорные произведения, которые являются выражением этих контактов, символически закрепляя за определёнными видами традиционного искусства ритуальные функции, значимые в обрядовой сфере. Все виды творческого самовыражения народа складываются в особую сакральную семиотическую систему, помогавшую людям не только выживать, но и чувствовать себя частью окружающего пространства, быть со-творцами этого мира, его полноценными духовными со-участниками.

Таким образом, весь комплекс обрядового фольклора, включающий в себя слово-действие-музыку-танец и отражённый в орнаментальном искусстве, позволяет лучше осознать красоту сложившихся в народе художественных образов, проникнуть в глубину традиционного миропонимания, включая осознания роли и места человека в мире и его духовной сути.

Список источников и литературы

1. Алексеенко Е.А. К вопросу о синкретизме музыкального фольклора обских угров // Музыка в обрядах и трудовой деятельности финно-угров. Таллин: «Ээсти раамат», 1986. С. 22–27.
2. Волдина М.К. Методика обучения хантыйским танцам // Музыка и танец в культуре обско-угорских народов. Томск: изд-во Том. ун-та, 2001. С. 57–63.
3. Волдина Т.В. Представления о взаимосвязи вещи с человеческой душой в хантыйской культуре // Проблемы и перспективы социально-экономического и этнокультурного развития коренных малочисленных народов Севера: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ч.1: Социология, природопользование, история и этнология. Воронеж: МАКС-ПРИНТ, 2015. С. 194–208.
4. Волдина Т.В. Татуировки как лечебное средство обских угров // Проблемы и перспективы социально-экономического и этнокультурного развития коренных малочисленных народов Севера: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (29 мая 2015 г., Ханты-Мансийск). Ижевск: Принт-2, 2016. С. 86–95.
5. Гусев В.Е. Комплексное изучение фольклора // Фольклор в современном мире. Аспекты и пути исследования. М.: Наука, 1991. С. 7–13.
6. Дядюн С.Д. Специфические средства структурирования хантыйской народной сказки как отражение этноязыковой картина мира // Культурные и филологические аспекты генезиса и трансформации исторических общностей коренных народов Югры: коллективная монография. Вып. 3. Тюмень: Сити-пресс, 2015. С. 108–120.
7. Каннисто А. Статьи по искусству обских угров. [Пер. с нем. Н.В. Лукиной]. Томск: изд-во Том. ун-та, 1999. 52 с.
8. Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. Т. 1. [Пер. с нем. Н.В. Лукиной]. Томск: изд-во Том. ун-та, 1994. 152 с.
9. Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. Т. 2. [Пер. с нем. Н.В. Лукиной]. Томск: изд-во Том. ун-та, 1995. 284 с.

10. Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. Т. 3. [Пер. с нем. Н.В. Лукиной]. Томск: изд-во Том. ун-та, 1996. 247 с.
11. Кулемзин В.М. О хантыйских шаманах. Тарту: ЭЛМ, 2004. 210 с.
12. Кумаева М.В. Особенности языка малых жанров мансийского детского фольклора (на примере закличек, пословиц, поговорок) // Современная финно-угорская филология: теория и практика: Материалы Всероссийской научно-практической конференции XIV Югорские чтения (Ханты-Мансийск, 20 декабря 2015). Ханты-Мансийск; Ижевск: Принт-2, 2016. С. 142–153.
13. Лапина М.А. Сакральный фольклор в музыкальной культуре хантов // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: Материалы дистанционной научно-практической конференции X Югорские чтения (Ханты-Мансийск, 20 декабря 2011). Ханты-Мансийск: ИИЦ, 2012. С. 95–104.
14. Мазур О.В. Медвежий праздник казымских хантов как жанрово-стилевая система: Дисс. ... канд. искусств. Новосибирск, 1997. 216 с.
15. Молданов Т.А., Сидорова Е.В. Медвежьи игрища: танцы и песни. Ханты-Мансийск: Печатное дело, 2010. 440 с.
16. Молданова Т.А. Казымский орнамент. Ханты-Мансийск: Печатный мир, 2013. 176 с.
17. Молданова Т.А. Орнамент хантов Казымского Приобья: семантика, мифология, генезис. Томск: изд-во Том. ун-та, 1999. 261 с.
18. Молданова Т.А. Опыт интерпретации татуировки казымских хантов // Народы Северо-Западной Сибири. Томск: изд-во Том. ун-та, 2000. Вып. 7. С. 32–35.
19. Попова С.А. Роль периодического медвежьего праздника Яныг йикв в формировании социума северных манси // Вестник угроведения. 2015. № 1. С. 89–100.
20. Рындина О.М. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 3. Орнамент. Томск: изд-во Том. ун-та, 1995. 640 с.
21. Солдатова Г.Е. Фоноинструментарий манси: состав, функционирование, жанровая специфика // Музыка и танец в культуре обско-угорских народов. Томск: изд-во Том. ун-та, 2001. С. 32–43.
22. Сподина В.И. Оппозиция свет/тьма и звук/беззвучие в пространственном коде мироздания. Роль птиц-медиаторов в осуществлении связи между мирами // Вестник угроведения. 2013. № 2 (13). С. 137–146.
23. Сподина В.И. Особенности отражения психических процессов в традиционной культуре: слуховые ощущения (на материале обских угров и самодийцев) // Вестник угроведения. 2014. № 2 (17). С. 138–146.
24. Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала. М.: Наука, 1971. 148 с.
25. Шмидт Е. Основы метрики в северохантыйском песенном творчестве (внутристрочный уровень) // История и культура хантов. Томск: изд-во Том. ун-та, 1995. С. 121–152.
26. Kannisto A. Über die wogulische Schauspielkunst // Finnisch-ugrische Forschungen. Helsingfors; Leipzig, 1906. Bd. VI. Hf. 1–3. S. 213–237.
27. Kannisto A. Über die Tatuierung bei den Ob-ugrilaisen seuran Toimituksia. LXVII. Helsinki. 1933. S. 159–185.
28. Karjalainen K.F. Die Religion der Jugra-Völker. B. I. Porvoo, 1921. 204 s.
29. Karjalainen K.F. Die Religion der Jugra-Völker. B. II. Porvoo, 1922. 387 s.
30. Karjalainen K.F. Die Religion der Jugra-Völker. B. III. Helsinki - Porvoo, 1927. 350 s.

Полевые материалы автора

- ПМА 1. – Экспедиция к казымским ханты в Белоярский район Ханты-Мансийского автономного округа. Март 1995 (информанты: В.К. Вагатова, 1953 г.р.).
- ПМА 2. – Ханты-Мансийск. Февраль 2007 (информант: М.К. Волдина, 1936 г.р.).

References

1. Alekseenko E.A. *K voprosu o sinkretizme muzykal'nogo fol'klora obskih ugrov* [To the question of the syncretism of musical folklore of the Ob Ugrians]. *Muzyka v obrjadah i trudovoj dejatel'nosti finno-ugrov* [Music in ceremonies and working activity of Finno-Ugric people]. Tallin: «Jejesti raamat» Publ., 1986. pp. 22–27. (In Russian)
2. Voldina M.K. *Metodika obuchenija hantyjskim tancam* [Methods of teaching to the Khanty dances]. *Muzyka i tanec v kul'ture obsko-ugorskih narodov* [Music and dance in the culture of Ob Ugric peoples]. Tomsk: izd-vo Tom. un-ta Publ., 2001. pp. 57–63. (In Russian)
3. Voldina T.V. *Predstavlenija o vzaimosvjazi veshhi s chelovecheskoj dushoj v hantyjskoj kul'ture* [Ideas about the relationship of a thing with a human soul in Khanty culture]. *Problemy i perspektivy social'no-*

jekonomicheskogo i jetnokul'turnogo razvitija korenykh malochislennykh narodov Severa: Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Ch.1: Sociologija, prirodnopol'zovanie, istorija i jetnologija [Problems and prospects of socio-economic and ethno-cultural development of indigenous peoples of the North: Materials of all-Russian scientific-practical conference. Part 1: Sociology, environmental management, history and ethnology]. Voronezh: MAKSPRINT Publ., 2015. pp. 194–208. (In Russian)

4. Voldina T.V. *Tatuirovki kak lechebnoe sredstvo obskikh ugrov* [Tattoos as a remedy of the Ob Ugrians]. *Problemy i perspektivy social'no-jekonomicheskogo i jetnokul'turnogo razvitija korenykh malochislennykh narodov Severa: Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (29 maja 2015 g., Hanty-Mansijsk)* [Problems and prospects of socio-economic and ethno-cultural development of indigenous peoples of the North: Materials of all-Russian scientific-practical conference (May 29, 2015, Khanty-Mansiysk)]. Izhevsk: Print-2 Publ., 2016. pp. 86–95. (In Russian)

5. Gusev V.E. *Kompleksnoe izuchenie fol'klora* [Comprehensive study of folklore]. *Fol'klor v sovremennom mire. Aspekty i puti issledovanija* [Folklore in the modern world. Aspects and ways of research]. Moscow: Nauka Publ., 1991. pp. 7–13. (In Russian)

6. Dyadyun S.D. *Specificheskie sredstva strukturirovanija hantyjskoj narodnoj skazki kak otrazhenie jetnojazykovoj kartina mira* [Specific means of structuring of a Khanty folk tale as a reflection of the ethno-linguistic picture of the world]. *Kul'turnye i filologicheskie aspekty genezisa i transformacii istoricheskikh obshhnostej korenykh narodov Jugry: kollektivnaja monografija. Vyp. 3* [Cultural and philological aspects of genesis and transformation of historical communities of indigenous peoples of Yugra: collective monograph. Vol. 3]. Tyumen: Siti-press Publ., 2015. pp. 108–120. (In Russian)

7. Kannisto A. *Stat'i po iskusstvu obskikh ugrov* [Articles on the art of the Ob Ugrians]. Translated from the German and published by N.V. Lukina. Tomsk: izd-vo Tom. un-ta Publ., 1999. 52 p. (In Russian)

8. Karjalainen K.F. *Religija jugorskih narodov. T. 1* [The religion of the Ugrian people. Vol. 1]. Translated from the German and published by N.V. Lukina. Tomsk: izd-vo Tom. un-ta Publ., 1994. 152 p. (In Russian)

9. Karjalainen K.F. *Religija jugorskih narodov. T. 2* [The religion of the Ugrian people. Vol. 2]. Translated from the German and published by N.V. Lukina. Tomsk: izd-vo Tom. un-ta Publ., 1995. 284 p. (In Russian)

10. Karjalainen K.F. *Religija jugorskih narodov. T. 3* [The religion of the Ugrian people. Vol. 3]. Translated from the German and published by N.V. Lukina. Tomsk: izd-vo Tom. un-ta Publ., 1996. 247 p. (In Russian)

11. Kulemzin V.M. *O hantyjskikh shamanah* [About Khanty shamans]. Tartu: JeLM Publ., 2004. 210 p. (In Russian)

12. Kumaeva M.V. *Osobennosti jazyka malych zhanrov mansijskogo detskogo fol'klora (na primere zaklichek, poslovic, pogovorok)* [Features of the language of small genres of Mansi children's folklore (on the example of zaklichka, proverbs, sayings)]. *Sovremennaja finno-ugorskaja filologija: teorija i praktika: Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii XIV Jugorskie chtenija (Hanty-Mansijsk, 20 dekabrja 2015)* [Modern Finno-Ugric philology: theory and practice: Materials of all-Russian scientific-practical conference XIV Yugra Readings (Khanty-Mansiysk, December 20, 2015)]. Khanty-Mansiysk; Izhevsk: Print-2 Publ., 2016. pp. 142–153. (In Russian)

13. Lapina M.A. *Sakral'nyj fol'klor v muzykal'noj kul'ture hantov* [Sacred folklore in the musical culture of Khanty]. *Korenyye malochislennyye narody Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: Materialy distancionnoj nauchno-prakticheskoy konferencii X Jugorskie chtenija (Hanty-Mansijsk, 20 dekabrja 2011)* [Indigenous people of North, Siberia and the Far East: Materials of distance scientific-practical conference X Yugra Readings (Khanty-Mansiysk, December 20, 2011)]. Khanty-Mansiysk: IIC Publ., 2012. pp. 95–104. (In Russian)

14. Mazur O.V. *Medvezhij prazdnik kazymskih hantov kak zhanrovo-stilevaja Sistema* [The Bear's Holiday of the Kazym Khanty as the genre-stylistic system]. Novosibirsk, 1997. 216 p.

15. Moldanov T.A., Sidorova E.V. *Medvezh'i igrishha: tancy i pesni* [Bear's Games: dances and songs]. Khanty-Mansiysk: Pechatnoe delo Publ., 2010. 440 p. (In Russian)

16. Moldanova T.A. *Kazymskij ornament* [Kazym ornament]. Khanty-Mansiysk: Pechatnyj mir Publ., 2013. 176 p. (In Russian)

17. Moldanova T.A. *Ornament hantov Kazymского Priob'ja: semantika, mifologija, genesis* [Ornament of the Khanty of Kazym Ob: semantics, mythology, genesis]. Tomsk: izd-vo Tom. un-ta Publ., 1999. 261 p. (In Russian)

18. Moldanova T.A. *Opyt interpretacii tatuirovki kazymskih hantov* [Experience of interpretation of the tattoo of the Kazym Khanty]. *Narody Severo-Zapadnoj Sibiri* [Peoples of North-Western Siberia]. Tomsk: izd-vo Tom. un-ta Publ., 2000. Vol. 7. pp. 32–35. (In Russian)

19. Popova S.A. *Rol' periodicheskogo medvezh'ego prazdnika Janyg jikv v formirovanii sociuma severnykh mansi* [The role of periodic Bear's Holiday Yanyg Yikv in the formation of the society of the Northern Mansi]. *Vestnik ugrovedenija* [Bulletin of Ugric Studies], 2015, no. 1, pp. 89–100. (In Russian)

20. Ryndina O.M. *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoj Sibiri. T. 3. Ornament*. [Essays on cultural genesis of peoples of Western Siberia. Vol. 3. Ornament]. Tomsk: izd-vo Tom. un-ta Publ., 1995. 640 p. (In Russian)
21. Soldatova G.E. *Fonoinstrumentarij mansi: sostav, funkcionirovanie, zhanrovaja specifika* [Phono-tools of the Mansi: structure, functioning, genre specific]. *Muzyka i tanec v kul'ture obsko-ugorskih narodov* [Music and dance in the culture of Ob Ugric peoples]. Tomsk: izd-vo Tom. un-ta Publ., 2001. pp. 32–43. (In Russian)
22. Spodina V.I. *Oppozicija svet/t'ma i zvuk/bezzvuchie v prostranstvennom kode mirozdanija. Rol' ptic-mediatorov v osushhestvlenii svyazi mezhdu mirami* [The opposition light/darkness and sound/soundlessness in the spatial code of the universe. The role of birds-mediators in communication between the worlds]. *Vestnik ugrovedenija* [Bulletin of Ugric Studies], 2013, no. 2 (13), pp. 137–146. (In Russian)
23. Spodina V.I. *Osobennosti otrazhenija psichicheskikh processov v tradicionnoj kul'ture: sluhovye oshhushhenija (na materiale obskih ugrov i samodijcev)* [Features of reflection of mental processes in traditional culture: auditory sensations (based on the material of the Ob Ugrians and Samoyeds)]. *Vestnik ugrovedenija* [Bulletin of Ugric Studies], 2014, no. 2 (17), pp. 138–146. (In Russian)
24. Chernetsov V.N. *Naskal'nye izobrazhenija Urala* [Petroglyphs of Ural]. Moscow: Nauka Publ., 1971. 148 p. (In Russian)
25. Shmidt E. *Osnovy metriki v severohantyjskom pesennom tvorchestve (vnutristrochnyj uroven')* [The basics of metrics in Northern Khanty song creativity (intra row level)]. *Istorija i kul'tura hantov* [History and culture of the Khanty]. Tomsk: izd-vo Tom. un-ta Publ., 1995. pp. 121–152. (In Russian)
26. Kannisto A. *Über die wogulische Schauspielkunst. Finnisch-ugrische Forschungen*. Helsingfors; Leipzig, 1906. Bd. VI. Hf. 1–3. S. 213–237. (In German)
27. Kannisto A. *Über die Tatuierung bei den Ob-ugrilaisen seuran Toimituksia*. LXVII. Helsinki. 1933. S. 159–185. (In German)
28. Karjalainen K.F. *Die Religion der Jugra-Völker*. B. I. Porvoo, 1921. 204 s. (In German)
29. Karjalainen K.F. *Die Religion der Jugra-Völker*. B. II. Porvoo, 1922. 387 s. (In German)
30. Karjalainen K.F. *Die Religion der Jugra-Völker*. B. III. Helsinki – Porvoo, 1927. 350 s. (In German)

Field materials of the author:

Field materials of the author 1 – Jekspedicija k kazymskim hanty v Belojarskij rajon Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga. Mart 1995 (informant: V.K. Vagatova, 1953 g.r.) [Expedition to the Kazym Khanty in Beloyarsky District of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug. March 1995 (informant: V.K. Vagatova, 1953 year of birth)].

Field materials of the author 2 – Hanty-Mansijsk. Fevral 2007 (informant: M.K. Voldina, 1936 g.r.) [Khanty-Mansiysk. February 2007 (informant: M.K. Voldina year of birth)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Волдина Татьяна Владимировна, ведущий научный сотрудник, БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок» (628011, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира 14 А), кандидат исторических наук.

ORCID ID: 0000-0002-6527-370X

tatyanavoldina@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Voldina Tatyana Vladimirovna, Leading Researcher, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (628011, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yuga, Khanty-Mansiysk, Mira st., 14A), Candidate of Historical Sciences.

ORCID ID: 0000-0002-6527-370X

tatyanavoldina@yandex.ru